

В комнате мгновенно воцарилась напряженная атмосфера, готовая взорваться в любую секунду.

Фу Цзюньяо, все это время наблюдавший за происходящим из-за приоткрытой двери, понял, что назревает драка, и поспешно вошел, громко произнеся:

— Брат Чжу, мы же все братья! Банда Сянма еще даже не подошла, неужели мы начнем резать друг друга?

— Ты, предатель, еще смеешь показываться на глаза! — кто-то с криком бросился вперед, выхватив саблю, но Чжу Чэнчжан намертво прижал его к месту.

Фу Цзюньяо не отступил, а наоборот, шагнул навстречу, приближаясь к нападавшему:

— Моя совесть чиста, я ничего не боюсь!

Чэн Цзинсюань вышел вперед и перехватил его за запястье, незаметно оттесняя от толпы. Фу Цзюньяо едва заметно шевельнул губами, беззвучно произнеся: Верь мне. Чэн Цзинсюань наконец разжал пальцы.

Окинув присутствующих пристальным взглядом, Фу Цзюньяо указал на человека с перебинтованной ладонью:

— Вчера при тушении пожара ты обжег руку. Сегодня стало лучше?

Тот вздрогнул и поспешно спрятал раненую руку за спину. Ладонь нестерпимо жгло — рана не болела, пока ее не задевали, а эту злосчастную повязку накладывал сам лекарь, стоявший перед ним.

Фу Цзюньяо сделал еще шаг и указал на другого мужчину:

— Вчера ты выносил раненого брата из огня и сам повредил ногу. Я ставил тебе иглы в точки Тайчун, Хэ-гу и Сань-инь-цзяо. Сегодня боль должна была утихнуть, верно?

Мужчина густо покраснел и невольно попятился.

Фу Цзюньяо продолжал громко:

— Вчера одного из наших братьев придавило горячей балкой, он был при смерти от потери крови. Я, хоть и не мастер, трижды ставил ему иглы, чтобы остановить кровотечение. Есть ли здесь его родные? Можете сказать, стало ли ему лучше?

Толпа безмолвствовала.

— Ты... не думай, что сможешь откупиться мелкими услугами и скрыть факт предательства! Магический массив вокруг усадьбы передавался из поколения в поколение, шестьсот лет его никто не мог взломать, а вчера псы из банды Сянма вдруг прорвались внутрь. Если это не шпионаж, то что?

— Точно!

— Верно сказано! — раздались выкрики из толпы.

Фу Цзюньяо даже рассмеялся от возмущения:

— На каком основании вы решили, что шпион — это я? Только потому, что я живу рядом с зернохранилищем? Там пол-усадьбы живет. Или из-за того, что я поздно прибыл в усадьбу? С каких пор это стало доказательством вины?

— Но твое искусство врачевания...

Чэн Цзинсюань убрал иглы и громко произнес:

— Всем известно, что я сын величайшего лекаря Фу Цзююаня. Этот юноша — мой помощник, он вырос со мной и перенял кое-какие навыки. Что здесь странного? Вы сами видели мастерство семьи Фу в тот день, когда я впервые прибыл в усадьбу и лечил вас от яда.

Тех, кого Фу Цзюньяо спас во время пожара, было немного, и их голоса тонули в общем недовольстве, но тех, кого лечили Чэн и Фу, было предостаточно. Вспомнив о спасении жизней, люди притихли, чувствуя неловкость.

— Молодой господин! Беда! — издалека послышался панический крик, от которого по спине пробежал холодок. Вслед за голосом в комнату ввалился человек, вид которого был жалок.

— Что случилось? — Чжу Чэнчжан тут же бросился к нему.

Тот, едва переводя дыхание, пролепетал:

— Банда Сянма... эти псы снова напали!

— Невозможно! Днем гора Лунцюань под охраной чиновников, как они могли открыто пройти в горы?

— Чиновники с ними заодно, они пропустили их без боя. Бандиты вошли как к себе домой, прорвали массив снаружи. Глава усадьбы лично вступил в бой и отбил атаку, но сам он...

— Что с моим приемным отцом? — вскричал Чжу Чэнчжан.

— Тяжело ранен, боюсь, что...

— Брат Фу, скорее, идем к отцу! — Чжу Чэнчжан схватил Чэн Цзинсюаня и бросился вон. Фу Цзюньяо в спешке подхватил аптечку, но их скорость была слишком велика — в мгновение ока они исчезли из виду.

\*\*\*

Когда Фу Цзюньяо догнал их, усадьба Цинцао уже превратилась в поле боя. Чжу Чэнчжан, размахивая огромным тесаком, отчаянно защищал небольшой пятачок земли, весь израненный. Немногие уцелевшие охранники едва сдерживали натиск.

Фу Цзюньяо проскользнул в тыл, который прикрывал Чжу Чэнчжан, и увидел бледного как смерть Чжу Юна, лежащего на земле. Чэн Цзинсюань склонился над ним, пытаясь нащупать пульс — он по-прежнему не мог точно определить точки.

Фу Цзюньяо с досадой оттеснил его, достал красную нить для диагностики, но Чэн Цзинсюань едва заметно покачал головой. Фу Цзюньяо взглянул на Чжу Юна: тот был в критическом состоянии, если не помочь сейчас...

В этот момент один из бандитов с окровавленным клинком бросился прямо на них.

— Осторожно! — крикнул Чэн Цзинсюань, рывком оттаскивая Фу Цзюньяо в сторону.

Бандит снова замахнулся, целясь в Чжу Юна. Чэн Цзинсюань, не раздумывая, метнул иглу, точно попав в точку онемения. Рука нападавшего безвольно повисла, и тот, решив, что она сломана, взвыл от боли.

Чжу Чэнчжан, услышав крик, обернулся и взревел:

— Не смей трогать моего отца!

— Брат Чжу! — вскрикнул Фу Цзюньяо.

Чэн Цзинсюань быстро закрыл ему глаза рукой. Раздался душераздирающий вопль, и Фу Цзюньяо почувствовал, как холод пробирает его до костей.

— Брат Фу! Уводи отца через тайный ход! — Чжу Чэнчжан сунул в руку Чэн Цзинсюаня окровавленную карту на овечьей шкуре и снова ринулся в гущу боя.

Чэн Цзинсюань спрятал карту и крикнул:

— Брат Чжу, а как же ты?

— Если не умру, найду вас! — ответил тот. В этот момент его ударили ногой, и могучее тело отлетело далеко назад, старые раны открылись, кровь хлынула потоком. Он крикнул: — Наше братство в этой жизни было коротким, но я дорожу им! Надеюсь, брат Фу спасет моего отца, я в долгу перед вами до следующей реинкарнации!

Чэн Цзинсюань нахмурился, с тяжелым чувством взглянул на Чжу Юна, взвалил его на спину и решительно скомандовал:

— Брат Чжу, я обещаю! Цзюньяо, идем!

Фу Цзюньяо подхватил обмякшее тело Чжу Юна и перетянул его на свою спину:

— Ты указывай путь, я понесу его.

— Не нужно! — Чэн Цзинсюань снова протянул ему карту, но Фу Цзюньяо даже не шелохнулся.

— Я не умею читать карты, не болтай, веди давай. — Фу Цзюньяо уверенно понес груз, который оказался довольно тяжелым.

Кровь Чжу Юна, смешанная с грязью, пачкала одежду Фу Цзюньяо, резкий запах железа вызывал тошноту. Фу Цзюньяо невольно подумал: если бы эту работу пришлось выполнять Чэн Цзинсюаню с его патологической брезгливостью, он бы, наверное, сошел с ума.

Чэн Цзинсюань бросил на него глубокий взгляд, подхватил аптечку и пошел впереди.

Фу Цзюньяо поспешил следом, и в голове раздался долгожданный электронный голос:

— Динь-дон! Поздравляю Хозяина, уровень симпатии целевого персонажа вырос на 1 балл. Текущий уровень: 97.

Да уж, этот Дева — просто маньяк в плане деталей. Когда я его целовал, симпатия не выросла ни на йоту, а стоило мне потаскать на спине старика — и вот результат?

Система, не к месту проявив чувство юмора, съязвила:

— Возможно, потому что твое тело не вызывает у него сексуального интереса.

— ... — Если бы у господина Фу была свободна хоть одна рука, он бы первым делом бросил этот проклятый браслет в печь!

Система, чувствуя его беспомощность, нанесла еще один удар:

— Слушай, Фу, ты вечно называешь себя господином, хвастаешься сотней тысяч фанаток на Цзиньцзяне, а на деле — ни мышц, ни девушки... или парня. Будь я не системой, я бы уже на

подиум вышла.

Фу Цзюньяо:

— ...

У меня есть мышцы! Просто я их не показываю! Кто-нибудь, спасите! Эта система сошла с ума!

Благодаря болтовне системы, напряжение немного спало. Чэн Цзинсюань вывел его из усадьбы и по карте нашел скрытую хижину в горах, где были запасы провизии и вещей первой необходимости. Похоже, это был последний оплот усадьбы Цинцао.

Фу Цзюньяо опустил Чжу Юна и привычно нашупал пульс. Три пальца легли точно на точки, и он почувствовал гордость — вот так должен работать настоящий лекарь!

Однако гордость быстро сменилась тревогой.

— Что случилось? Почему такое лицо? — Чэн Цзинсюань подошел, держа в руках сверток, совершенно не подходящий его изысканному вкусу.

Фу Цзюньяо указал на бесчувственного Чжу Юна:

— Он получил два тяжелых удара в живот и грудь. Внутренние повреждения серьезны, пульс хаотичен. Даже если удастся спасти, последствия останутся на всю жизнь.

Чэн Цзинсюань сунул ему в руки сверток:

— Там сменная одежда, иди помойся, от тебя несет грязью.

Фу Цзюньяо, привыкший к придиркам Девы, кивнул, но с сомнением посмотрел на Чжу Юна:

— А он?

Чэн Цзинсюань промолчал. Разумеется, перед ним лежал его злейший враг, человек, которого он ненавидел всей душой. То, что он не добил его, было уже чудом. Фу Цзюньяо не был святошей, чтобы требовать от него милосердия, поэтому молча ушел.

У самого выхода Чэн Цзинсюань вдруг произнес:

— Напиши рецепт, я схожу за травами.

Фу Цзюньяо с изумлением обернулся:

— Ты хочешь его лечить?

Чэн Цзинсюань кивнул.

— ... — Этот мир сошел с ума.

— Женьшень — одна лян, корица — пять цзяней, астрагал — семь цзяней, аир — три цзяня. Выварить из пяти чаш воды две. Добавить семена подорожника — один цзянь, выварить из двух чаш одну. Помни, семена подорожника и трава Уцзе очень похожи в этот сезон, не перепутай.

Чэн Цзинсюань небрежно спросил:

— А что будет, если перепутаю?

— Как говорят, у любого лекарства есть три части яда. В правильном рецепте это допустимо, а в неправильном — это уже чистый яд. Но я недавно учил тебя отличать Уцзе, ты не должен ошибиться.

Чэн Цзинсюань усмехнулся:

— Иди уже, помойся, грязнуля.

— Хм, опять придираешься, как будто я не знаю, что ты говоришь одно, а думаешь другое.

Фу Цзюньяо довольно отправился на кухню, где его ждала горячая вода — Чэн Цзинсюань уже все подготовил. На душе стало сладко, как от меда.

От тепла и пара его разморило, веки отяжелели. Сквозь сон он почувствовал, как его подхватили на руки и уложили в теплую постель. Он довольно перевернулся на другой бок и провалился в глубокий сон. Перед тем как окончательно уснуть, в голове мелькнул странный вопрос: почему система сегодня назвала его Фу, как будто это было что-то привычное?

\*\*\*

Фу Цзюньяо проснулся на следующее утро. Он не помнил, как оказался в постели, но решил, что с его толстокожестью можно пережить любую неловкость. Он потянулся, переоделся в чистую одежду и отправился искать Чэн Цзинсюаня.

Но тот исчез! Фу Цзюньяо обыскал каждый угол, не находя врага. Неужели тот сбежал?

Не найдя его, Фу Цзюньяо вспомнил о раненом и пошел в аптеку. Шкафчики с травами были приоткрыты. Он пересчитал их — не хватало как раз тех, что нужны для лечения внутренних травм. Подумав, что Чэн Цзинсюань наконец проявил доброту, он почувствовал прилив тепла, но тут же споткнулся обо что-то на полу.

Это был кусочек жмыха от лекарства.

Фу Цзюньяо поднес его к носу и застыл. Это была трава Уцзе!

Холодный страх пронзил его. Он бросился к ящику с травой Уцзе и увидел застрявший в щели сухой листок — ящик определенно открывали.

Фу Цзюньяо задрожал. Печь, в которой варили лекарство, еще хранила остатки тепла. Он сорвался с места и побежал в комнату Чжу Юна.

Боже, лишь бы успеть!

Браслет на руке бешено завибрировал, в голове зазвучал голос системы:

— Внимание! Если Чжу Юн умрет, цель будет достигнута, сюжетная линия завершится!

Фу Цзюньяо не слушал. Дверь была приоткрыта, он распахнул ее рывком и увидел Чэн Цзинсюаня, сидящего у кровати с пустой миской в руках.

Он вырвал у него миску — на дне еще оставались остатки лекарства.

— Ты...

— Ты почему здесь? — спросили они одновременно.

Фу Цзюньяо в ярости:

— Ты скормил ему это?!

Чэн Цзинсюань непонимающе кивнул.

Фу Цзюньяо схватил его за воротник:

— Ты с ума сошел! Как ты мог?!

— Я...

Не дослушав, Фу Цзюньяо с силой впечатал его в стену:

— Я видел открытый ящик с Уцзе! Ты же знаешь, что для раненого это верная смерть! Неужели жажда мести лишила тебя рассудка?!

— Цзюньяо, успокойся...

— Чжу Юн — мерзавец, который грабил народ и губил верных слуг, мне его не жаль! Мне жаль тебя! Ты из семьи ученых, блестящий выпускник, благородный господин, как ты можешь мारать руки кровью?!

— Цзюньяо, ты не так понял...

Глаза Фу Цзюньяо налились кровью, в них была невыносимая боль:

— Ты хоть знаешь, почему я столько лет был рядом с тобой?

Чэн Цзинсюань проглотил слова оправдания. Он смотрел на знакомое лицо, которое вдруг начало расплываться, возвращаясь в прошлое.

Тогда, после краха семьи Чэн, он из избалованного наследника превратился в сына преступника. Но самым страшным ударом стала потеря ног. Он стал калекой. Его характер испортился, он срывал злость на слугах, бил посуду, отказывался от лекарств, пока их не приносили по пять раз.

Слуги, которые оставались с ним из благодарности, один за другим уходили, не выдерживая его нрава. Остались только Фу Цзюньяо и сирота Сяо Ли.

Однажды ночью разразилась буря, ветер распахнул окно, дождь залил комнату. Пытаясь закрыть его, он вывалился из кровати, забыв, что его ноги не слушаются. Он полз по полу, как червь, в грязи и дожде, обезумев от осознания своей никчемности. Он хотел поползти до могилы отца и разбить голову, чтобы смыть позор.

Он полз, сдирая кожу в кровь, ломая хребет... но вдруг чьи-то руки подхватили его и взвалили на спину. Он бил этого человека, царапал его, а тот, шатаясь под тяжестью, падал, вставал и продолжал нести его домой.

— Всю свою жизнь, всем, что у меня есть, я клянусь вылечить твои ноги. Даже если я не смогу, я буду твоими ногами, пока жив.

<http://bllate.org/book/20359/2035420>